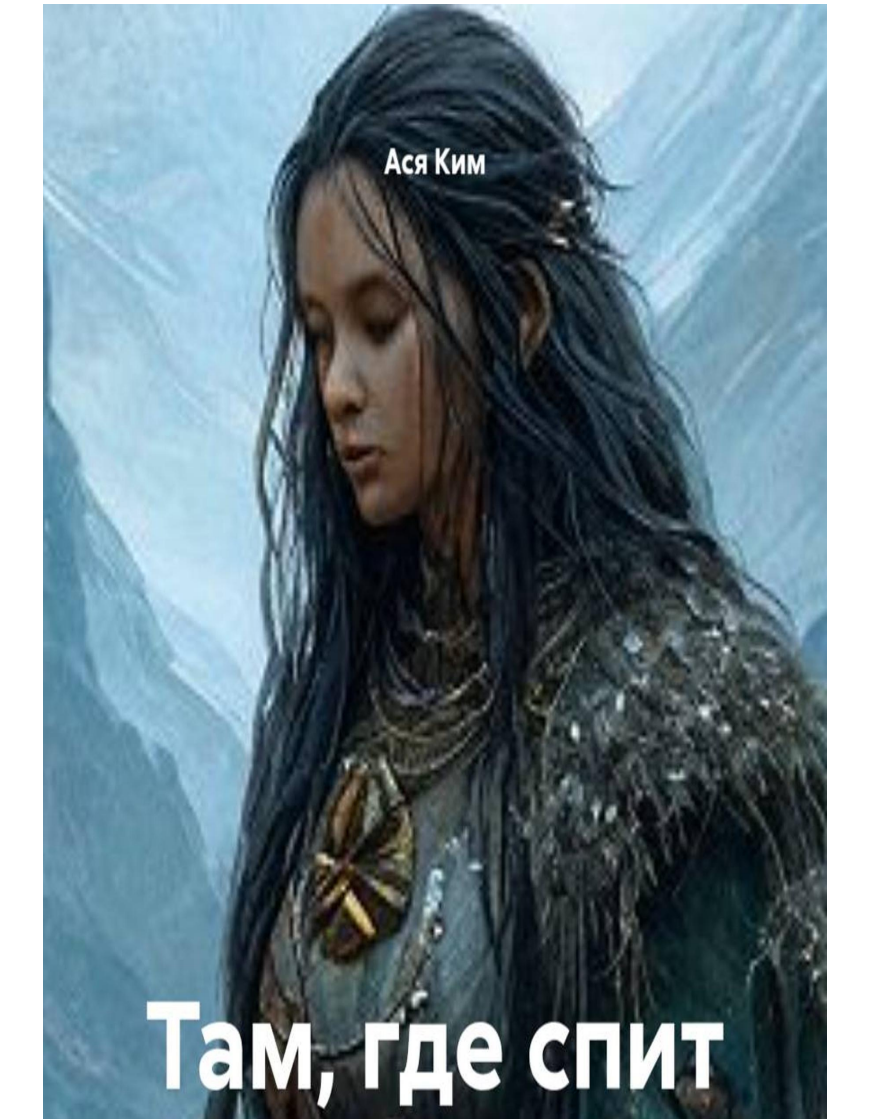

A woman with long, dark, wavy hair is shown in a close-up, looking down. She is wearing multiple layers of gold necklaces, including a large, ornate pendant. Her hair is adorned with small gold clips. The background is a soft-focus, blue-toned mountain range.

Ася Ким

Там, где спит

Ася Ким

Там, где спит северный шаман

<https://litres.ru/74169803>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где граница между мирами тоньше дыхания, шаманка Сагана несет бремя «Мглы» — первородной тьмы, дарующей власть над смертью. Она не целитель, спасающий жизни, а проводник, открывающий дверь в Нижний мир для тех, чье время пришло.

Её путь — это вечная битва с собственным даром. Чтобы исцелить одного, ей нужно забрать жизнь у другого. Чтобы спасти чужого ребенка, она должна отдать частицу своей души.

Но когда древний Шёпот начинает просачиваться сквозь грани миров, отравляя землю и сводя людей с ума, Сагане предстоит спуститься во тьму глубже обычного. Ей придется заключить сделку с самой сутью хаоса, чтобы защитить племя от существа, питающегося жизненной силой земли.

«Шёпот на ветру» — это мрачное северное фэнтези о цене милосердия, об одиночестве того, кто стоит между жизнью и забвением, и о любви, способной согреть даже сердце, принадлежащее смерти.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Там, где спит северный шаман

Глава

Там, где спит северный шаман.

Там, где спит северный шаман.

Глава 1. Тень на снегу

Здесь, где вечная мерзлота сковывает землю на сотни метров вглубь, а зима длится дольше, чем память одного поколения, слова имеют вес. Они тяжелы, как речной лёд по весне, и остры, как осколок вулканического стекла. Одно из таких слов — *дар*.

Люди думают, что дар — это свет. Что он озаряет путь избранного, делая его особенным, защищённым. Они ошибаются. Мой дар был не светом, а тенью. Длинной, уродливой тенью, которая появлялась за моей спиной каждый раз, когда я пыталась помочь. Она росла с каждым отзвучавшим заговором, с каждой изгнанной болезнью, пока не стала длиннее моего собственного роста.

Они говорят — дар. Слово лёгкое, как пёрышко полярной совы. Дарят подарки на день рождения. Но то, что мы несём в себе, — не подарок. Это ноша. Тяжёлый камень на шее, который не даёт плыть по течению обычной жизни. Я долго думала, почему так. Почему за каждую крупицу силы, за каждую отвоёванную у тьмы жизнь приходится платить?

Ответ пришёл ко мне не в видениях и не от духов-помощников. Он прост и жесток: сила — это не созидание из ничего. Это перераспределение. Чтобы дать жизнь там, где её почти не осталось, нужно взять её из другого места. Баланс должен быть соблюлён. И этот долг всегда ложится на плечи того, кто посмел нарушить равновесие.

Духи не злы и не добры. Они — бухгалтеры мироздания. И я — их невольный кассир. Каждый раз, когда я ступаю на Тёмную тропу, я знаю, что на другой чаше весов уже лежит гиря. Вопрос лишь в том, что именно мне придётся положить на свою.

Она пришла перед самым рассветом, когда небо только начало сереть. Айха. Мать из стойбища вниз по реке. Её я знала плохо, но страх, исходящий от неё волнами, был зна-

ком каждому, чья жизнь висит на волоске. Она привела сына. Мальчик лет пяти лежал на оленьей шкуре, бледный, как первый снег. Его дыхание было поверхностным, почти незаметным, а глаза под закрытыми веками метались в лихорадочном бреду.

Обычная хворь давно бы забрала его, но эта... Эта была иной. Я видела тёмную, липкую паутину, оплетающую его душу. Работа сильного духа-паразита. Такие не уходят сами.

— Спаси его, — прошептала Айха, и в этом шёпоте было больше крика, чем во всех песнях шаманов. — Возьми всё, что у меня есть. Забери мои годы, моё здоровье, только спаси его!

Я посмотрела ей в глаза и покачала головой. «Не всё можно оплатить чужой монетой».

...Я нашла его. Дух-паразит был похож на клубок маслянисто-чёрных нитей, жадно оплетающий светлую искру души мальчика. Он зашипел, почувствовав меня, но было поздно. Я схватила его, чувствуя, как он пытается присосаться уже ко мне, и рванула на себя.

Мир взорвался болью. Ощущение было такое, будто из моей груди выдрали кусок живой плоти. Я закричала, но крик застрял в горле. Вся моя сила, всё тепло моего тела хлынуло наружу, в эту бездонную чёрную воронку, которую я создала, чтобы изгнать тварь. Я видела, как тускнеет свет ребёнка и как сгущается тьма вокруг меня. Последним усилием воли я швырнула духа в открывшийся портал Нижнего мира и захлопнула его.

Тишина.

Я открыла глаза. Тело казалось чужим, налитым свинцовой тяжестью. Каждый вдох давался с трудом. Сердце билось медленно, словно пытаюсь пробиться сквозь толщу льда. Я была опустошена. Не просто устала, а выжата досуха, до последней капли жизненной силы.

Мальчик спал на шкурах. Его дыхание было ровным и глубоким. Болезнь ушла.

Я знала, что умру здесь, на полу своей юрты, если ничего не сделаю. Смерть была бы лёгким выходом. Но у меня ещё были долги в мире живых.

С нечеловеческим усилием я поползла к стене с инструментами. Сорвав с крюка бубен и зажав в дрожащей руке орба, я ударила по туго натянутой коже. Глухой звук прошёл сквозь тело, заставляя кровь двигаться чуть быстрее.

А потом я вышла из юрты в объятия северного ветра.

Я стала каналом между промёрзшей землёй и мёртвым светом звёзд.

Медленно, капля за каплей, энергия мира начала наполнять меня.

Глава 2. Песня из оленьей кожи

Бубен — это не просто натянутая на обод оленья кожа. Это не барабан, отбивающий ритм. Это «конь». Живое существо, чья душа заключена в дереве и жилах. Он чувствует своего наездника, а наездник должен чувствовать его. Каждый бубен имеет свой норов: один — норовистый скакун, рвущийся в галоп, другой — спокойный тяжеловоз, который никогда не подведёт. Но главное — в каждом из них живёт свой дух-помощник.

Это самый верный из моих спутников. Именно он, когда я падаю в Нижний мир, вытягивает меня обратно, не давая раствориться в вечной тьме. Он помогает настроиться на ра-

боту, отсекая лишние мысли и шумы мира. Иногда, когда невыносимо больно, а раскрыть тайну сердца некому, я просто прижимаю его к себе и слушаю. Он умеет слушать тишину. Он знает обо мне всё и никогда не осудит.

Зов пришёл с севера, от оленеводов. Их пастбища умирали. Трава чернела и рассыпалась в прах, а у важенок случались выкидыши. Старейшины говорили о проклятии, но я знала — это работа духа-скряги, который питается жизненной силой земли.

Мой старый бубен треснул во время прошлого обряда. Его голос стал глухим, надтреснутым. Я не могла рисковать. В углу моей юрты лежал другой. Его сделал старый мастер из соседнего племени и оставил мне в дар. Я ещё не «объездила» его.

Я ударила в него. Звук был чужим. Резким, колючим. Непривычный. Его дух-помощник был насторожен и холоден, он не знал меня и не доверял мне.

Я закрыла глаза и позволила ритму унести меня. Мир перевернулся. Я падала сквозь корни мирового дерева в Нижний мир. Здесь было холодно и пахло гнилью.

Он ждал меня. Дух-скряга не стал убегать. Он восседал на троне из мёртвых корней, и его голос был похож на шелест опавшей листвы.

— Ты опоздала, — проскрипел он. — Я уже выпил половину долины. Но я могу остановиться.

Он показал мне видение: мой старый, треснувший бубен.

Тот самый, что остался лежать в юрте.

— Отдай мне его, — сказал дух. — Брось его в огонь своего очага, когда вернёшься. Разрушение твоей последней надёжной связи даст мне достаточно сил, чтобы уйти и больше никогда не возвращаться. Ты спасёшь долину, но потеряешь свой самый верный инструмент и часть своей силы навсегда.

Альтернатива была передо мной как на ладони: долина продолжит умирать, оленеводы потеряют всё, но я сохраню свой старый бубен.

Я оказалась перед выбором: пожертвовать частью себя ради других или спасти своё, обрекая на гибель невинных? Это был удар под дых.

И тогда я сделала то, чего никогда не делала с чужим инструментом. Я прижала новый бубен к груди, как прижимают испуганного ребёнка.

— Помоги мне, — прошептала я не столько словами, сколько мыслью. — Я знаю, ты чужой здесь. Но мы оба сейчас заблудимся.

И случилось чудо. Дух внутри бубна отозвался. Он не стал моим верным скакуном в одночасье, но он перестал сопротивляться. Он *понял*. Мы стали партнёрами в этом хаосе. Вместе мы загнали духа-скрягу в ловушку из ритма и звука и заставили его отдать украденную силу, не идя на его условия.

Возвращение было тяжёлым. Я вывалилась из транса прямо в снег у юрты, обессиленная и опустошённая. Я лежала и смотрела на первые звёзды.

— Спасибо, — прошептала я бубну.

Кожа на его натянутой поверхности едва заметно дрогнула в ответ. Теперь он знал меня. А я знала его песню.

Глава 3. Тепло, которого не коснётся мрак

Есть раны, которые не лечит даже самая сильная магия. Есть тишина, которую не нарушит ни один бубен. Люди думают, что сила шамана безгранична, что мы можем исцелить любую хворь и отвести любую беду. Они видят, как я борюсь с духами за чужие жизни, и наделяют меня бессмертием. Они ошибаются. Я помню свой собственный крах. Я помню свою беспомощность. Моя бабушка была моим якорем в мире людей. Её руки были теплее самого жаркого очага, а её колыбельные могли унять любую боль, даже ту, что рождалась в самом сердце. Когда тьма подступала слишком близко, когда Мгла внутри меня становилась невыносимой, я всегда шла к ней. И она всегда знала, как меня успокоить.

Это была странная, ползучая хворь. Не горячка и не кашель. Она забирала силы по капле, высасывала свет из глаз и радость из голоса. Бабушка угасала на моих глазах, а я была бессильна. Я перепробовала всё: отвары из самых редких трав, заговоры, которые шепчут лишь в самую длинную ночь. Я даже спускалась в Нижний мир, предлагая духам

неслыханные дары — свои годы, свой голос, свою удачу. Я была готова отдать что угодно.

Но духи были глухи к моим мольбам. Или, может, таков был её собственный путь.

Я помню её последнюю ночь так ясно, будто это было вчера. Юрта пахла сухой полынью и чем-то неуловимо-сладким — запахом её кожи. Я сидела у её постели и держала её за руку. Рука была почти невесомой и холодной, как остывший камень. Я пыталась согреть её своим дыханием.

— Пой, — прошептала она, не открывая глаз. Её голос был похож на шелест падающего снега.

И я запела. Ту самую колыбельную. Про ветер в ивах и про то, как луна качает в колыбели сонные звёзды. Ту, что она пела мне в детстве. Я пела и чувствовала, как по моим щекам текут слёзы — горячие, обжигающие. Они падали на её подушку и тут же впитывались в ткань.

Я смотрела на её лицо в тусклом свете очага и видела не старуху на смертном одре, а молодую девушку с добрыми

глазами. Я видела её сильной. И в тот момент я ненавидела свой дар. Ненавидела за то, что он позволяет мне видеть смерть так близко. За то, что я знаю: это конец.

Она умерла под утро. Просто перестала дышать. Её грудь в последний раз поднялась и опала. В наступившей тишине я услышала тихий звон — словно лопнула самая тонкая струна в мире. Это оборвалась нить, связывавшая меня с моим детством.

Я не плакала потом. Ни тогда, ни после. Мгла внутри меня знала: таков закон. Сагана внутри меня кричала от боли, но её крик был беззвучным.

Но совесть меня не съела. Позже я поняла почему. В ту последнюю ночь... она не боялась. Она была готова. Она отпустила меня ещё до того, как ушла сама.

Я не могу помочь всем. Это правда. Но теперь я знаю цену этому пути и бремени, которое несу. И если я спасу хотя бы одного чужого ребёнка или верну здоровье в одну долину — это будет дань памяти ей. Той, чьё тепло даже Мгла не

сможет осквернить.

Глава 4. Имена на ветру

У всего в этом мире есть истинное имя. У ветра, что сры-
вает крыши с чумов. У реки, что спит подо льдом. У духов,
что прячутся в тени. И у меня их тоже два. Два имени —это
не привилегия и не знак особой силы. Это приговор.

Первое имя мне дали при рождении Сагана. На древнем
наречии это значит «живая». Его шептала мать, укутывая
меня в мех. Его кричали дети, когда я бежала по весеннему
льду. Это имя — якорь. Оно связывает меня с миром людей,
с теплом очага, с запахом дыма и прелой листвы. Сагана —
это та часть меня, что помнит смех, способна на сострадание
и хочет просто жить.

Но есть и второе. Мгла. Его не дают, его принимают. Или
оно само находит тебя, когда ты впервые заглядываешь за
грань. Мгла — это моё имя в мире духов. Это тень, которую
отбрасывает Сагана, когда на неё падает свет Нижнего мира.
Мгла — это холод, расчёт и та часть силы, которая не знает
жалости. Это воин, идущий по пути света через самые тём-
ные тропы.

Жить с двумя именами — значит постоянно вести войну с самим собой. Сагана хочет отступить, закрыть глаза и забыть увиденный ужас. Но Мгла знает: если она отступит, этот ужас придёт в её дом.

Я — это поле их вечной битвы.

И каждый раз, когда я ступаю на Тёмную тропу, я оставляю Сагану у входа и иду вперёд как Мгла.

Это случилось спустя три дня после того, как я спасла мальчика Айхи.

В мою юрту ворвался старик из дальнего стойбища.

— Духи! — хрипел он, падая на колени. — Они забрали мой голос! Я пою им песни всю жизнь...

Я посмотрела на него через дым очага.

— Ты не пел им песни... Ты их **кормил**.

Он побледнел.

На задворках его стойбища он приносил жертвы духам го-
лода ради собственной удачи в охоте.

Сагана хотела его простить.

Но Мгла шагнула вперёд:

— Баланс нарушен тобой... И платить будешь ты.

Я забрала его голос — тот дар, которым он так дорожил и
которым привлёк тёмных существ — и отдала его духам в
качестве окончательной платы.

Старик ушёл из моей юрты немым.

В ту ночь Сагана плакала... А Мгла лишь молча чистила
свой бубен...

Глава 5. Урок для мёртвых

Боль Саганы — это не та боль, которую можно изгнать
заговором или унять отваром. Она не в теле. Она живёт в
памяти, в запахе дыма, в отзвуке знакомого голоса, который

вдруг мерещится в ветре. Это тупая, ноющая рана, которая открывается каждый раз, когда я позволяю себе быть просто человеком. А не шаманом.

Люди думают, что мы стоим над смертью. Что мы — её судьи или палачи. Они ошибаются. Мы — её ученики. Самые прилежные и самые бездарные ученики. Мы видим её чаще других, но понимаем меньше всех.

Долгое время я ненавидела свою слабость. Ненавидела тот факт, что я могу остановить мор в целой деревне, но бессильна перед хворью, съедающей одного-единственного человека. Того, чья кровь течёт в моих венах. Я пыталась обмануть судьбу. Я предлагала духам неравноценный обмен. Я кричала в пустоту Нижнего мира, требуя ответа. Я была готова отдать свою жизнь за её.

Но духи молчали. И лишь потом, когда я приняла её уход, я поняла смысл этой тишины. Это был не отказ. Это был урок.

Я поняла тогда: у каждого человека есть своё время для

ухода. Даже у шамана. Даже у того, кто видит миры за гранью. Смерть — это не враг, которого нужно победить. Это дверь. И моя бабушка просто нашла свою. Она ушла не потому, что я была слаба, а потому, что её время пришло.

Боль Саганы никуда не делась. Но она перестала быть ядом и стала частью меня. Напоминанием о том, что я — всего лишь человек, хоть и шаман. И что моя истинная сила заключается не в том, чтобы всех спасти, а в том, чтобы помочь каждому найти свою дверь в свой срок

Глава 6. Искусство отпускать

Раньше я думала, что быть шаманом — значит бороться. Вырывать души из когтей тьмы, сшивать разорванную ткань жизни, кричать в лицо смерти: «Не сегодня». Я была воином на поле боя, где каждый вздох раненого был моим личным поражением. Каждая неудача оставляла шрам.

Я пыталась спасти всех. Даже тех, чьё время уже истекло. Я держала их за руки так крепко, что душила саму жизнь, которая пыталась уйти. Я видела в каждой болезни личного врага, которого нужно уничтожить любой ценой. Моя сила

была гневом. Моё сострадание было отчаянием.

Теперь я знаю, что это — путь к безумию. Истинное искусство не в том, чтобы удержать, а в том, чтобы отпустить.

Она пришла ко мне на закате. Молодая женщина, почти девочка. Её глаза были пусты, а живот круглым под грубой тканью платья. Она несла в себе ребёнка, но душа её уже ушла.

— Он... он больше не приходит, — прошептала она, говоря о муже, который погиб месяц назад. — Внутри меня пусто. Я просто оболочка.

Я коснулась её запястья. Пульс бился ровно, но жизненная нить, уходящая от неё, истончилась до паутинки. Душа уже стояла на пороге, готовая шагнуть в свет. Ребёнок внутри неё был жив, но его мать уже прощалась с миром.

Старой я попыталась бы вернуть её. Заговорила бы кровью,

заставила бы сердце биться чаще, привязала бы её душу к телу насильно. Но Мгла знала: это будет пыткой. Заставить человека жить, когда он уже ушёл — худшее из проклятий.

Я села рядом с ней и взяла её за руку, как когда-то держала руку бабушки.

— Посмотри на небо, — тихо сказала я. — Видишь, какой сегодня закат? Весь мир горит огнём для тебя одной.

Я не стала петь колыбельную. Я стала напевать ей песню пути. Мелодию, которую поют ветры, провожая души наверх. Я не боролась с пустотой в ней. Я заполнила эту пустоту покоем.

Её дыхание становилось всё медленнее, ровнее. Страх ушёл из её глаз, уступив место сонному умиротворению. Я чувствовала, как её душа делает последний, лёгкий вздох и отрывается от тела. В тот момент я не плакала. Я улыбалась.

Когда её сердце остановилось, я осталась сидеть рядом ещё долго. Я помогла духу ребёнка мягко отделиться от ма-

тери, чтобы они могли встретиться там, где нет боли. Я проводила их обоих.

Поднимаясь, я почувствовала не горе, а тихую, светлую печаль. И гордость. Не за спасённую жизнь, а за правильно исполненный ритуал прощания. За то, что я научилась самому сложному. Быть не палачом смерти, а повитухой для новой души.

Глава 7. Язык пламени

Есть ритуалы тихие, похожие на шёпот матери над колыбелью больного ребёнка. Их сила — в нежности и терпении. А есть другие. Ритуалы огня. Они не шепчут. Они кричат. Они требуют полной самоотдачи и сжигают всё, что ненастоящее.

Огонь для шамана — это нож, которым вскрывают гнойник мироздания. Он безжалостен. Он не знает пощады. Он очищает, оставляя после себя лишь пепел и правду. Но правда эта бывает острее лезвия. Обращаться к огню — всё равно что держать за хвост молнию. Один неверный шаг, одна тень сомнения — и ты сам превратишься в горстку пепла у собственного очага.

Я научилась этому последней из всех искусств. Не создавать огонь, а говорить с ним на его языке.

Зов пришёл от кузнеца. Его новый горн отказывался рождать пламя. Сколько бы он ни раздувал мехи, сколько бы ни клал сухих дров, угли лишь покрывались серым прахом. А потом в деревне начали болеть дети. Кашель был странным, сухим, словно они наглотались дорожной пыли. Знахарка сказала: «Это Горловой Грызун».

Я знала этого духа. Мелкая, пакостливая сущность, которая селится там, где погас живой огонь. Она питается теплом жизни, оставляя после себя холод и хворь. Чтобы изгнать её, нужно было заново зажечь горн. Но не обычным способом. Это должно было стать актом чистого творения.

Я пришла в кузницу на закате. Кузнец уже отчаялся и смотрел на меня со смесью надежды и страха. Вокруг на лавках сидели матери с кашляющими детьми.

Я развела в горне небольшой костёр из бересты и щепы.

Пламя занялось, но было слабым, больным. Оно не могло победить холод, скопившийся в камне. Этого было мало.

Мне нужен был чистый огонь. Тот, что рождается не от спички, а от трения души о реальность. Я сняла верхние одежды, оставшись в простой рубаше. Села перед горном на колени. Закрыла глаза. И начала тереть друг о друга два куса сухого дерева. Медленно. Монотонно. Древнейший танец человечества.

Мир сузился до звука: *ш-ш-шух... ш-ш-шух...* Трение рождало тепло. Тепло рождало дым. Дым пах сладко и горько одновременно. Мой лоб покрылся испариной. Я чувствовала, как Мгла внутри меня отступает, давая место древней силе, которой всё равно, тёмный ты шаман или светлый. Ей нужна лишь жертва.

И я принесла её. Не кровь и не обещания. Я вложила в трут свою боль. Своё бессилие перед смертью бабушки. Свой гнев на несправедливость мира. Каждый удар дерева о дерево высекал искру моей собственной силы.

Наконец, тонкая струйка дыма стала гуще, и на труте рас-

цвёл крошечный, дрожащий лепесток пламени. Чистый, первородный огонь. Я бережно взяла этот уголёк голыми руками — он не жёгся — и бросила в сердце горна.

Взрыв! Пламя рванулось вверх ревающим столбом, осветив всю кузницу ослепительным белым светом. Жар ударил в лицо, заставляя отшатнуться. Кузнец прикрыл глаза рукой. Дети перестали кашлять, заворожённо глядя на чудо.

Горн ожил. Огонь ревел, пожирая скверну. Я видела, как мелкий серый дух, похожий на крысу, корчится в пламени и с визгом исчезает.

Когда я открыла глаза, кузнец стоял на коленях и плакал. Не от жара, а от облегчения. Матери прижимали к себе притихших детей.

А я смотрела на свои руки, всё ещё державшие форму невидимого цветка. Я говорила с огнём на его языке. И он ответил мне.

Глава 8. Лик Зимней Госпожи

Люди боятся называть её имя вслух. Они зовут её Тьмой, Старухой с косой, думая, что она — конец всего. Но они ошибаются. Мара — это не конец. Она — переход.

Она — та, кто срезает колосья на поле жизни, когда приходит их срок. Не раньше и не позже. Её прикосновение холодно, как первый ночной заморозок, но этот холод сохраняет то, что должно быть сохранено для будущего. Она — хозяйка зимы, которая укрывает землю белым саваном, чтобы весной та могла родиться заново.

Мы, идущие по Тёмной тропе, служим ей. Не из страха. Из понимания. Мгла внутри меня — это не проклятие. Это отражение её сути. Моя миссия — быть её рукой в мире живых. Отпускать души, которые она призывает. Проводить тех, чьё время истекло. Я не борюсь со смертью. Я помогаю ей быть милосердной.

Это случилось во время самой долгой ночи в году. Я ушла далеко в тундру, туда, где вечные льды встречаются с чёрным небом. Воздух был таким ледяным, что каждый вдох обжигал лёгкие изнутри. Звёзды здесь казались не точками света,

а острыми осколками льда, впившимися в купол небес.

Я остановилась у незамерзающего ручья, чёрной змеей прорезавшего снежную пустыню. И я поняла, что я не одна.

Воздух вокруг сгустился, стал осязаемым. Холод перестал быть просто температурой, он стал **присутствием**. Мир потерял краски, оставшись лишь в оттенках серого, белого и чернильной тьмы.

Она вышла прямо из-за моей спины. Я не слышала шагов.

Она была высокой, выше любого смертного. Её лицо было прекрасным и молодым, но глаза... глаза были глазами древней старухи, видевшей рождение и гибель миров. На ней не было тёплой одежды, только белоснежное платье, сотканное из инея и тумана. За её спиной не росли крылья, но казалось, что сама зимняя ночь клубится вокруг неё, словно шлейф.

— Ты хорошо работаешь, дитя, — её голос был похож на шелест снега под ногами и треск ломающегося льда. Он звучал не в ушах, а прямо в сознании. — Ты научилась отпускать. Ты несёшь мой покой в мир живых.

Я хотела упасть на колени, но не смогла пошевелиться. Её взгляд пригвоздил меня к месту.

— Но ты всё ещё слишком много думаешь о том, кого спасла, и о той, кого потеряла. Их боль — твоя цепь. Пока она тянет тебя к земле, ты не сможешь летать со мной.

Она протянула руку, и её ладонь была холодной, как мраморный камень. Этот холод не причинял боли. Он приносил забвение.

— Прими свой дар полностью. Стань не просто проводником душ. Стань их утешением. Когда придёт твой час, я встречу тебя не как палач, а как сестра. И мы вместе посмотрим, как рождается новый рассвет.

Её фигура начала таять, растворяясь в морозном воздухе, оставляя после себя лишь запах озона и абсолютный покой в душе. Я осталась одна у чёрного ручья, но теперь я знала: я никогда не бываю одна. За моим плечом всегда стоит та, что даёт отдых уставшим и закрывает двери за теми, чей путь окончен.

Глава 9. Выбор под покровом ночи

До встречи с ней я думала, что моя сила — это просто болезнь. Шаманская хворь. Меня ломало изнутри, выворачивало наизнанку от чужих страданий. Я видела тени там, где их быть не должно. Слышала шёпот мёртвых в скрипе половиц. Моё собственное сердце билось в такт с умиранием осенних листьев. Я была живым парадоксом: сосудом для жизни, который медленно заполнялся смертью. И я ненавидела этот дар. Я хотела вытравить его из себя, вырезать ножом, но он был частью моей сути. Я умирала вместе с каждой душой, которую не могла спасти.

Мне было девятнадцать. Зима в тот год пришла рано и была безжалостной. В нашем стойбище умирал старик. Не от старости, а от тоски. Он потерял всех: жену, сыновей... Его душа уже ушла, но тело цеплялось за этот мир из последних сил. Оно стало тюрьмой для духа.

Я сидела у его постели третью ночь подряд. Я чувствовала его боль как свою. Она разрывала меня на части. Я видела его душу — маленький, тусклый огонёк, запутавшийся в па-

утине воспоминаний. Он звал меня. Умолял отпустить его.

Отчаяние накрыло меня ледяной волной. Я больше не могла этого выносить. Я выскочила из юрты на мороз, упала на колени в снег и закричала небу. Это был не зов о помощи. Это был крик ярости и боли. Я проклинала свой дар. Я умоляла духов забрать мою жизнь вместо его.

И тогда холод стал абсолютным.

Он перестал обжигать кожу и проник внутрь, прямо в сердце. Мир вокруг замер. Звёзды погасли. Время остановилось. Передо мной стояла она. Мара.

Не величественная богиня из моих видений, а сама суть зимней ночи. Её красота была пугающей, а взгляд — всепроникающим. Она смотрела не на меня, а в меня.

— Ты хочешь помочь ему? — её голос был тишиной самой смерти.

— Да! Забери мою боль! Возьми мою силу! Сделай хоть

что-нибудь!

Она протянула руку, и её пальцы были сотканы из инея.

— Твоя боль — это твоё оружие. Твоя слабость — твоя величайшая сила. Ты думаешь, что несёшь смерть? Нет. Ты несёшь покой. Но ты должна научиться им управлять. Иначе он убьёт тебя.

Она коснулась моего лба. Это было похоже на удар молота из льда. Мгновенная, ослепительная агония. А потом... пустота. Холодная, ясная пустота. Боль старика исчезла. Я всё ещё чувствовала его угасающий огонёк души, но теперь он не рвал меня на части. Я могла видеть его. Могла к нему прикоснуться.

Мара отступила в тень.

— Теперь ты знаешь цену. Каждый раз, когда ты будешь отпускать душу, ты будешь платить частицей своего тепла. Ты станешь мостом между миром живых и моим царством. Ты будешь моими глазами и руками. Ты будешь Мгла.

Когда я вернулась в юрту, лицо старика было умиротворённым. Он сделал последний вздох и ушёл легко, без борьбы. А я... я осталась стоять на коленях, чувствуя внутри лишь холодный, очищающий огонь. Дар, который я так ненавидела, стал моим предназначением. Я приняла его не из-за света, а из-за тьмы. Из-за милосердия забвения, которое мне показала Зимняя Госпожа.

Глава 10. Костёр на пепелище

Я вернулась в стойбище с первыми лучами солнца, но свет казался мне чужим. Он был слишком ярким, слишком живым после той абсолютной тишины и покоя, что подарила мне Госпожа. В моей душе всё ещё звучал её голос: «Стань их утешением».

Слова жгли калёным железом. Утешать других? Я, чьё собственное сердце было выжженной пустошью, где до сих пор тлели угли двух потерь. Первая — та, кого я спасла ценой собственной силы, вырвав из когтей болезни лишь для того, чтобы увидеть, как она угасает от старости через несколько лет. Вторая... о ней я запрещала себе думать. Та, которую я ****не**** смогла спасти. Моя ошибка. Мой провал. Моя вечная вина.

Как можно дать кому-то покой, когда внутри тебя бушует собственная буря?

В тот же день ко мне привели старика по имени Кайгал. Его время пришло. Родные стояли у порога моего чума, не решаясь войти, и молча смотрели на меня полными слёз глазами. Они не просили. Просить об этом нельзя. Они просто ждали.

Кайгал лежал на шкурах. Его дыхание было похоже на шелест сухих осенних листьев. Я села рядом, но не прикоснулась к нему сразу. Я смотрела на его лицо, на котором морщины сплелись в карту долгой жизни, и чувствовала, как моя собственная боль поднимается изнутри горьким комом. Я видела в нём своего спасённого, свою ошибку. Я боялась.

— Холодно, — прошептал он, не открывая глаз. — Странно... всю жизнь прожил в холоде, а сейчас почему-то зябко.

И тогда я сделала то, чего не делала никогда раньше. Я

не стала призывать дух или читать заученные напевы. Я закрыла глаза и потянулась внутрь себя, туда, где жила Мгла. Раньше я использовала её как инструмент — острый, безжалостный скальпель, чтобы отсечь нить жизни. Но теперь я вспомнила слова Госпожи. Не палач. Сестра.

Я позволила своей боли выйти наружу. Позволила тоске по ушедшим и страху перед собственным даром коснуться этой первородной тьмы. И произошло чудо. Тьма не пожрала эту боль. Она приняла её, окутала своим саваном, остудила её испепеляющий жар и превратила в нечто иное. В глубокое, всеобъемлющее понимание.

Я открыла глаза и положила ладонь на грудь Кайгала. Моё прикосновение больше не было ледяным клинком. Оно было мягким, как первый снег, укрывающий уставшую землю. Это был покой.

— Спи, дедушка, — тихо сказала я. — Зима пришла, чтобы укрыть тебя. Больше не будет холода.

Дыхание Кайгала выровнялось. На его губах появилась ед-

ва заметная улыбка. А потом его сердце сделало последний удар — тихий, умиротворённый. Я не услышала звона лопнувшей нити. Я почувствовала, как последняя искра его души мягко скользнула в мои пальцы, а оттуда — в великую темноту, которая уже протягивала ей навстречу свои объятия.

Когда я встала, родственники посмотрели на меня иначе. В их взглядах больше не было скорби. Только глубокая, светлая благодарность. Я впервые увидела в их глазах не горе от потери, а облегчение. Я принесла им утешение.

Вернувшись в свой чум, я долго сидела в темноте. Цепи никуда не исчезли, они всё ещё были со мной. Но теперь я поняла их природу. Моя боль — это не груз, который тянет на дно. Это мой дар. Топливо для костра, который может согреть других в их последнюю ночь. Я не могу вернуть тех, кого любила и потеряла. Но я могу сделать так, чтобы другие уходили без страха и боли.

Я — дитя Мглы. И я научусь быть её милосердным лицом

Люди говорят о смерти как о враге, с которым нужно бо-

роться. Они строят стены из лекарств и надежд, пытаясь отгородиться от неизбежного. Но это взгляд слепцов.

Смерть — это не враг. Смерть — это Мара. Она не забирает жизнь, она принимает её из рук жизни, когда та истощается. Это не грабитель в ночи, а хозяйка, закрывающая двери после бала. Её имя происходит от корня *«мор»* — мороз, неподвижность, сон. И это ключ к пониманию. Мара — это глубокий, зимний сон всего сущего. Холод сковывает движение, останавливает распад и сохраняет зерно под снегом до весны. Без этого сна нет будущего.

Моя суть — Мгла. Я часто слышу, что тьму боятся, считая её синонимом пустоты и забвения. Ошибка. Тьма — это не отсутствие света. Свет можно увидеть только потому, что существует тьма, которая служит ему фоном. Мгла — это первородная субстанция, из которой всё выходит и в которую всё возвращается. Это колыбель и могила одновременно.

Служить Маре через Мглу — значит быть этим переходом. Мы не обрываем нити. Мы вплетаем их в общий узор так, чтобы конец одного стал началом другого узора. Наш дар — холод, который прекращает агонию. Наше бремя —

тишина, которая следует за последним вздохом. Мы — утешение для живых, дающее им понять, что путь ушедшего был завершён достойно. Мы — покой для мёртвых, провожающие их домой сквозь сумерки. Мы не несём смерть. Мы делаем её частью великого круга, превращая ужас конца в мудрость перехода.

Глава 11. Тепло против Холода

Новость о том, что я проводила Кайгала без боли, разнеслась по стойбищу быстрее весеннего ветра. Но если раньше на меня смотрели со смесью страха и опаски, то теперь во взглядах появилось что-то новое. Не почтение, нет. Скорее, настороженное любопытство. Люди подходили к порогу моего чума, оставляли подношения у входа — не как духам, а мне — и спешно уходили, словно боясь обжечься о холод, который от меня исходил.

А потом он приехал.

Его звали Сайлас. Молодой шаман из южного племени, чьи земли славились целебными травами и тёплыми ветрами. Он прибыл не один, а с караваном, гружённым сушёны-

ми кореньями, ароматными смолами и редкими настойками. Там, где появлялся Сайлас, воздух теплел. От его одежды пахло не морозом и озоном, как от моей, а полынью, мятой и разогретой солнцем землёй.

Он был полной моей противоположностью. Если моя кожа была бледной, как снег, то его — загорелой до бронзы. Если мои волосы были цвета воронова крыла, то его — выгоревшими на солнце прядями. И самое главное — его дар. Он не отпускал души. Он боролся за каждую жизнь, вырывая её из когтей Мары силой своей воли и жаром своего дара. Он лечил лихорадки, сращивал сломанные кости, исцелял раны, которые должны были стать смертельными.

Мы встретились у общего костра старейшин. Я сидела в тени, кутаясь в меховую шубу, когда он подошёл. От него волнами исходило тепло, и я невольно отодвинулась глубже в темноту.

— Значит, ты та самая, кого зовут Мгла, — его голос был спокоен и глубок. В нём не было осуждения, только констатация факта. — Слышал о тебе. Говорят, ты дала старику лёгкий сон вместо агонии.

— Это мой долг перед Госпожой, — сухо ответила я, глядя на огонь. — Быть милосердной.

Сайлас усмехнулся, подбрасывая в костёр пучок сухих трав. Пламя взметнулось выше, окутывая нас душистым дымом.

— Милосердие? — переспросил он. — Или просто признание поражения? Ты говоришь о долге перед смертью, а я говорю о долге перед жизнью. Пока есть хоть искра дыхания, я буду бороться. А ты... ты просто ждёшь, пока она погаснет, и называешь это служением.

Его слова ударили точно в цель. Моя собственная вина, которую я так долго пыталась превратить в силу, снова обожгла изнутри.

— Ты ничего не знаешь о смерти, целитель, — прошептала я, поднимаясь на ноги. Холод вокруг меня сгустился, и ближайшие языки пламени начали стелиться понизу, становясь синими. — Ты видишь лишь боль тела. Но не видишь боли души, которая держится за разрушенную оболочку из одного лишь животного страха. Я даю им покой, которого ты

не можешь дать.

— А я даю им шанс! — парировал он, и от его фигуры повеяло ощутимым жаром. Воздух между нами задрожал, как над раскалёнными камнями летом. — Шанс увидеть следующий рассвет. Твой покой — это могила. Мой шанс — это жизнь.

Мы стояли друг напротив друга, два полюса одного мира. Лёд и пламя. Отпускание и удержание. За нашими спинами замерли испуганные старейшины, чувствуя, как сталкиваются две первородные силы. Этот спор был древнее самих людей. И мы оба знали, что этот разговор — лишь начало долгого противостояния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.